

Подонки родины.

(Б ы л ь).

I.

Три русских крейсера тихо входили въ Нагасакскую бухту.

Передъ глазами моряковъ впервые послѣ войны зеленѣли куполообразные острова, скалистые обрывистые берега южной стороны залива и сравнительно пологіе сѣверные. Тамъ и сямъ бѣлѣли извилистыми лентами дороги, а по склонамъ прилегающихъ горъ правильными террасами пестрѣли цвѣтушія поля. Кой-гдѣ въ листвѣ микановыхъ деревьевъ мелькали маленькіе, точно игрушечные, японскіе домики. Въ глубинѣ бухты виднѣлись строенія города, когда-то желаннаго.

И теперь, казалось бы, послѣ мрачнаго Сахалина съ унылымъ Александровскимъ Постомъ, послѣ всегда пустыннаго залива де-Кастри, этотъ веселый городъ долженъ былъ бы радовать глазъ моряковъ, но... это былъ японскій портъ.

Причина, казалось бы, неумѣстнаго захода русскихъ военныхъ судовъ въ портъ недавняго врага, лежала въ томъ, что крейсерскій отрядъ былъ неожиданно посланъ изъ Владивостока въ Александровскъ, чтобы доставить туда лицъ администраціи и баталіонъ пѣхоты.

Въ де-Кастри же адмираломъ было получено приказаніе слѣдовать, не заходя во Владивостокъ, въ Европейскую Россію: въ нашей Дальневосточной крѣпости были только-что подавлены беспорядки, грозившіе вспыхнуть вновь, и неувѣренность въ судовыхъ командахъ, среди которыхъ существовало броженіе, заставила высшее начальство принять такое рѣшеніе.

Неожиданно отозванный отрядъ не успѣлъ принять въ един-

ственномъ русскомъ порту полныхъ запасовъ угля и иныхъ матеріаловъ и дабы онъ не оказался въ затруднительномъ положеніи, адмиралу было приказано зайти въ Нагасаки, издавна привыкшій къ посѣщенію русскихъ судовъ и, какъ портъ, наиболѣе отвѣчавшій предъявляемымъ въ данномъ случаѣ требованіямъ.

Но ни яркая зелень, ни лазуревое небо, ни оживленіе на рейдѣ не радовали офицеровъ и большинство команды: на душѣ каждаго бойца лежало тяжелое чувство обиды и съ болью думалось, какъ будутъ смотрѣть на нихъ тѣ японцы, которые недавно въ долгіе дни мира такъ униженно, такъ заискивающе относились къ русскимъ морякамъ.

Правда, Владивостокскій отрядъ причинилъ много вреда Японіи, но не чувство личной досады, а чувство оскорбленной любви къ родинѣ невольно топило эти маленькіе лучи удачъ въ морѣ горестей арміи и флота.

Однако это чувство, хотя и не прошло совсѣмъ, но почти изгладилось, когда отрядъ простоялъ три дня на рейдѣ: съ каждымъ днемъ всѣ невольно убѣждались, что Нагасаки это не тотъ „японскій“ городъ, какими казались „японскіе“ офицеры, матросы и солдаты, а все тотъ же, какимъ онъ считался въ былое время увлекательныхъ заграничныхъ плаваній—городомъ скорѣе международнымъ.

Дѣйствительно, едва были закончены официальные посѣщенія отряда портовыми врачами и полиціей, едва японскій катеръ, передавъ портовые правила, пошелъ къ берегу, отъ набережной къ трапамъ русскихъ судовъ помчались фунѣжки, длинныя, въ видѣ венеціанскихъ гондолъ, мѣстныя лодки.

На нихъ, улыбаясь и кланяясь, весело покрикивая порусски, старые знакомцы портные, сапожники, прачки и торговцы. Всѣ они издали махали аттестатами съ традиціонными судовыми печатями. Въ первый день ихъ не пустили, но уже на второй день пребыванія владѣтели этихъ порыжѣвшихъ отъ грязи документовъ сюсюкали и присѣдали на палубахъ крейсеровъ.

Офицеры, отправившіеся по дѣламъ на берегъ, съ удивленіемъ рассказали, что отношеніе со стороны нагасакцевъ они встрѣтили самое радушное, гораздо лучшее, чѣмъ передъ войной, и все это вмѣстѣ и облегчило тяжесть гнета, который лежалъ на сердцѣ, когда отрядъ входилъ въ японскія воды.

А причина такой добродушной встрѣчи заключалась въ томъ, что населеніе Нагасаки представляетъ какъ бы особое племя.

Само японское правительство весьма скептически относилось къ подданнымъ микадо, живущимъ въ этой области: во время войны, несмотря на то, что изъ-за большихъ потерь на поляхъ сраженій, въ армію шли юноши и даже старики, изъ Нагасаки и прилежащихъ мѣстечекъ было взято исключительно мало запасныхъ. Но не въ отсутствіи патриотизма можно было упрекнуть нагасакцевъ: и грандіозными манифестаціями при объявленіи войны, и крупными пожертвованіями прогремѣлъ этотъ городъ на всю Японию—правительство просто знало, что не могло быть у нагасакцевъ ни той ненависти къ русскимъ, ни той выносливости для боя, какія вырабатывались постепенно въ горныхъ округахъ и мѣстностяхъ близъ портовъ, закрытыхъ для иностранной торговли.

Когда-то XVI вѣкѣ, колыбель христіанства въ Японіи, съ тѣхъ поръ Нагасаки постоянно принималъ участіе въ международномъ товаро-обмѣнѣ; понемногу проникали въ него и корни европейской культуры, но также незамѣтно вѣками подтачивались и нѣкоторые устои строгой японской семьи: воинственность, дисциплина, нетребовательность и самопожертвованіе во имя принципа.

Однако правительство все-же использовало пріобрѣтенное нагасакцами умѣніе приспособливаться и знаніе большинствомъ изъ нихъ иностранныхъ языковъ — нагасакцы подъ видомъ мелкихъ ремесленниковъ густой сѣтью добровольныхъ шпионовъ оплели сосѣднія съ Японіей государства.

По заключенію Портсмутскаго договора, когда въ душѣ девяти-десятихъ японскаго населенія еще не остыла ненависть къ Россіи, еще не утихла печаль по убитымъ родичамъ и не прошла досада на недостаточно выгодный миръ, коренной житель Нагасаки быстро сдѣлался прежнимъ юркимъ коммерсантомъ, интересы котораго будто постолько удовлетворены, поскольку часто его родной портъ будутъ посѣщать иностранцы, а тароватые русскіе въ особенности.

II.

Былъ часъ отдыха. На верхней палубѣ большаго изъ крейсеровъ во всю длину ея расположились торговцы. Семь лѣтъ проплававшая за границей команда успѣла накопить „деньженокъ для дома“, но прельщенная шелковыми матеріями, цыбиками чая, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что хотѣлось бы привести, какъ „гостинецъ“, почти и не пользовалась часами отдыха, а бродила отъ одного торговца къ другому, пощупывая добротность

матерій и прицѣпиваясь. Въ офицерскихъ каютахъ примѣривалось штатское, а у каютъ вѣстовые ругались съ прачками изъ-за плохо выстираннаго бѣлья.

Только-что вступившій вахтенный лейтенантъ, удостовѣрившись, что извѣе нечего ожидать какихъ-либо случаевъ, нарушающихъ мирную жизнь корабля, также началъ прохаживаться по рядамъ торговцевъ. И ему захотѣлось привезти что-нибудь роднымъ и, колеблясь, купить ли дорогую шелковую ширму или дешевый бумажный зонтикъ, онъ остановился въ самой оживленной части палубы.

— Ваше Высокоблагородіе, дозвоьте доложить!—вывелъ его изъ задумчивости басистый голосъ, и онъ обернулся.

Передъ нимъ стоялъ приземистый, бородатый матросъ. Сосредоточенное лицо, серьезный, нѣсколько исподлобья, взглядъ, сразу дали понять лейтенанту, что ему хотять сказать что-то важное, и онъ быстро отвѣтилъ:—Говори, что нужно?

— Дозвоьте, Ваше Высокоблагородіе, въ сторонку—пониживъ голосъ, въ которомъ слышалась нотка настойчивой просьбы, продолжалъ матросъ.

Удивленный лейтенантъ хотѣлъ было сказать:—какіе тамъ секреты!—но потомъ, зная матроса, какъ хорошаго служаку, раздумалъ и прошелъ съ нимъ въ штурманскую рубку.

— Такъ что, Ваше Высокоблагородіе, наши у японцевъ воруютъ—прерывающимся отъ волненія голосомъ доложилъ матросъ, когда оказался съ офицеромъ глазъ на глазъ.

Краска гнѣва бросилась въ лицо лейтенанта и первымъ движеніемъ его было выйти на палубу, чтобы прекратить вопіющее безобразіе, но матросъ торопливо проговорилъ:—„Ваше Высокоблагородіе, дозвоьте накрыть ихъ съ поличнымъ, они сейчасъ опять налаживаются“.

Зная по опыту, какъ трудно доказать кражу на кораблѣ, полною укромными уголками и механизмами, за которыми обыкновенно прячется на первыхъ порахъ краденое, лейтенантъ рѣшилъ, что жалѣть подобныхъ „типовъ“ нечего и будетъ полезно поймать ихъ на мѣстѣ преступленія.

— Ты одинъ видѣлъ?—спросилъ онъ и получивъ отвѣтъ:—никакъ нѣтъ, двое еще за ними смотрять!—сказалъ:—ну съ Богомъ, только безъ особеннаго скандала, да позови ко мнѣ вахтеннаго!

Явившемуся квартирмейстеру были даны надлежащія инструкции, и не прошло и двухъ минутъ, какъ передъ офицеромъ

съ понивнувшими головами стояло два уличенныхъ въ кражѣ матроса.

Лейтенантъ прямо оторопѣлъ отъ смѣшаннаго съ негодова-ніемъ удивленія, когда на одномъ изъ воровъ, державшемъ въ рукѣ альбомъ съ черепаховой крышкой, замѣтилъ унтеръ-офицерскія нашивки.

— Ты укралъ этотъ альбомъ?—впившись въ унтеръ-офицера пытливымъ взглядомъ, почти крикнулъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, это напраслина, и только примѣрялся купить — заискивающимъ тономъ началъ оправдываться тотъ, но одинъ изъ стоявшихъ свади свидѣтелей не вытерпѣлъ этой наглости и заявилъ:— Вы спросите его, Ваше Высокоблагородіе, а шкатулочку, что за вентиляторной трубой „схоронена“, онъ тоже купилъ?!

Лейтенантъ потребовалъ фельдфебеля, и черезъ нѣсколько минутъ на столѣ каюты лежало нѣсколько вещественныхъ доказательствъ.

— Тогда я спрошу у японцевъ, покупалъ ли ты эти вещи?— проговорилъ лейтенантъ и направился было къ выходу, но его остановилъ взглядъ другого уличеннаго.

— Не спрашивайте, Ваше Высокоблагородіе, мы украли!

Вещи подъ благовиднымъ предлогомъ были возвращены владѣтелю, молодому неопытному японцу, повидимому замѣтившему пропажу, такъ какъ онъ проявлялъ уже явные признаки безпокойства, а получивъ альбомъ, началъ усиленно благодарить.

Вполнѣ ясно, насколько было бы тяжело, если бы японецъ заявилъ о кражѣ, раньше ея обнаруженія: обыскать девятьсотъ человѣкъ, да заглянуть во всѣ уголки стальной громады было дѣломъ нелегкимъ и въ лучшемъ случаѣ были бы найдены только вещи, а не виновники.

Дознаніе выяснило наличіе третьяго участника, проносившаго вещи въ укромныя мѣста, пока двое дѣлали видъ, что прицѣниваются. Судъ примѣнилъ высшее наказаніе, и тюремное заключеніе они должны были отбывать въ Россіи.

Какъ бы ни былъ позоренъ этотъ случай, однако и онъ имѣлъ свою хорошую сторону, которая состояла въ слѣдующемъ.

Послѣ боя перваго августа вмѣсто убитыхъ и тяжело раненыхъ, которыхъ было свыше двухсотъ, на крейсеръ были назначены изъ береговыхъ командъ молодые матросы, въ сильной степени развращенные революціонной пропагандой. Когда же миръ былъ заключенъ, то уволили въ запасъ еще человѣкъ двѣсти изъ старой команды и вмѣсто этихъ, привыкшихъ и

любившихъ крейсеръ людей, назначили матросовъ призыва 1905 года, т. е. людей, взятыхъ на службу въ разгаръ политическихъ и аграрныхъ беспорядковъ.

Къ приходу въ Японію образовались двѣ группы команды, державшихся особнякомъ: одна старослужащихъ, бывшихъ въ бою и смѣлыхъ походахъ къ неприятельскимъ берегамъ, и другая—молодыхъ матросовъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ боевымъ, да и просто морскимъ дѣломъ, но уже воспитанныхъ на утопическихъ идеяхъ подпольныхъ изданій.

Между ними чувствовался нѣкоторый антагонизмъ, но „молочныя рѣки и кисельные берега, воля и земля“, рисуемые яркими красками особенно замѣтными краснобаями, имѣли свое дѣйствіе и на старую команду, и она, хотя и говорила про вновь прибывшихъ съ презрѣніемъ: „говорить мастеръ, а выблиночнаго узла связать не съумѣетъ“, все же прислушивалась къ рѣчамъ наиболѣе опасныхъ краснобаевъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ изъ уличенныхъ.

Въ описанномъ случаѣ трое слѣдившихъ были старослужащіе, а трое участниковъ кражи изъ молодой команды, и оскорбленные за доброе имя крейсера, стяжавшаго почетную боевую славу, за своихъ товарищей, погибшихъ въ бою, они довели свой добровольный сыскъ до конца.

Естественно тотчасъ же подорвалось довѣріе и къ другимъ, говорившимъ, какъ по-писанному о землѣ, волѣ, республикѣ, и несмотря на повышенное по тому времени въ судовыхъ командахъ настроеніе, старослужащіе остались надежнымъ элементомъ, на который можно было смѣло опереться.

Не безынтересна судьба двухъ изъ уличенныхъ; очутившись въ арестныхъ камерахъ въ Кронштадтѣ, они, какъ бывшіе во Владивостокѣ и за границей, явились какъ бы вожаками подобныхъ имъ матросовъ, и силой освобожденные во время беспорядковъ 1906 года въ Кронштадтѣ, участвовали въ нихъ и впоследствии были приговорены за свои дѣянія къ смертной казни. Судьба третьяго, признавашагося доподлинно неизвѣстна.

II. Владиславлевъ.

